

Демоны прошлой жизни

Автор:

[Екатерина Островская](#)

Демоны прошлой жизни

Екатерина Николаевна Островская

Следствие ведет Павел Кудеяров #1Татьяна Устинова рекомендует

Павел Кудеяров начинал свою службу участковым в маленьком городке. Именно с этим местом связана самая большая трагедия его жизни – гибель любимой жены... Спустя несколько лет Павел вернулся в Ветрогорск: его неспешную жизнь нарушило жестокое убийство девушки. Кудеярову предстоит выяснить, появился ли в окрестностях Ветрогорска маньяк или кому-то Карина Сорокина – первая красавица городка, благосклонности которой добивались многие из местных влиятельных мужчин, – помешала настолько, что ее убили.

Расследование приводит Павла к самым неожиданным результатам. Смерть Карины оказывается всего лишь первым звеном цепочки преступлений, главная цель которых – скрыть большие тайны маленького города...

Екатерина Островская

Демоны прошлой жизни

© Островская Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

«Демоны прошлой жизни» Екатерины Островской – по-настоящему новый роман. Великолепный и легкий детектив с закрученным, невероятно стремительным, но вполне логичным сюжетом, изысканной и тонкой любовной линией и совсем уж неожиданной развязкой. Нет-нет, всё заканчивается, безусловно, хорошо, именно так, как мы любим, – сейчас я не выдаю тайну и не пытаюсь пересказать роман, я просто следом за автором обещаю: все будет хорошо!

Екатерина Островская по-прежнему способна удивлять. «Демоны прошлой жизни» – не только витиеватое и захватывающее детективное действо, которого мы все так ждем и на которое надеемся, открывая книгу. На сей раз у автора получилось нечто большее. Екатерина своим острым чутьем настоящего литератора-детективщика угадала то самое идеальное соотношение тайны, размаха и правды – и написала увлекательную, необыкновенную даже на первый взгляд историю, которая, стремительно развиваясь, превращается в головокружительный роман. До самых последних страниц романа невозможно угадать, куда выведет лихо закрученный сюжет, кто окажется предателем, кто убийцей и откуда ждать помощи!

Кроме интересного сюжета и необычной фабулы, у «Демонов прошлой жизни» есть еще одно очень важное для меня – как для читателя – преимущество: великолепно прописанный антураж. Читая по-настоящему хорошо написанную книгу, то и дело оказываешься будто бы внутри повествования: видишь, слышишь и осязаешь то же, что и герои, становишься их верным спутником. Екатерине Островской удался отличный детектив!

Татьяна Устинова

Глава первая

Павел Кудеяров подъехал к шлагбауму, перегораживающему въезд на узкую улочку, и остановился. Почти сразу к водительской двери его «Хонды» подошел сотрудник охранной фирмы в униформе и жестом показал, что здесь стоять нельзя. Не обращая на него внимания, Кудеяров открыл дверь и вышел.

- Не понял, что ли? - возмутился охранник.

Павел достал служебное удостоверение, раскрыл его. Человек в униформе молча отошел. Зато тут же возник местный участковый Николай Францев.

- Привет, - поздоровался он. - По старой памяти сюда, что ли? Ваши уже были. Только что укатили. Пофотографировали, а с народом говорить не пожелали, опросили только свидетельницу, которая тело обнаружила.

- Кто она?

- Учительница местной школы. Я попросил ее не уходить пока.

И Францев показал на девушку, стоявшую у высокого металлического забора.

- Убили кого, спрашиваю? - уточнил свой вопрос Кудеяров.

- Карина Сорокина. Помнишь такую?

- Смутно.

- Разве? - не поверил Францев. - Ее весь поселок знал. Эффектная особа! Ты должен ее помнить: сам же здесь участковым был.

- Полгода всего, да и когда это было.

Они прошли по пешеходной дорожке вдоль длинного ряда трехметровых туй и остановились возле нарисованного мелом на брусчатке силуэта человека.

- Убийство произошло ориентировочно с половины седьмого вечера и до семи. Карина приехала на электричке. Нашлись свидетели, которые видели, как она сходила со станции, потом заглянула в синий магазинчик, но ничего там не купила, шла мимо Дома культуры. А потом уж ее обнаружила мертвой Горелова.

- Которая учительница?

Францев кивнул.

– Карину задушили. На горле следы от удушения. Короче, страшная смерть и, судя по всему, для нее неожиданная, потому что не пыталась кричать или убежать. Хотя здесь место тихое, даже если будешь во все горло орать, никто и не услышит...

– Ценные вещи, деньги пропали?

Участковый покачал головой.

– В сумочке почти семнадцать тысяч, на руке часики, золотой браслетик-цепочка, сережки золотые. Следов сексуального насилия нет. Да и одежда на ней не повреждена. Кто-то сзади накинул удавку и почти сразу опустил на землю. Видишь, как нога у нее подогнута?

Участковый показал на нарисованный мелом силуэт, но Кудеяров смотреть не стал.

– На этой улочке, судя по заборам, не бедные люди обитают, – заметил он. – Неужели нет камер наружного наблюдения?

– Есть, разумеется. Сейчас Погудин как раз этим занимается. Он, кстати, помог и оцепление организовать. А то набежала бы толпа, затоптали бы следы. То есть толпа набежала, но ее оттеснили, а потом все разошлись, потому что все равно ничего издалека не видно.

– Погудин? – попытался вспомнить Павел. – Знакомая фамилия.

– Знаешь ты его. Погудин был начальником районной ВОХР. А потом, после всех перетурбаций, здесь осел, открыл охранную фирму. Устанавливает сигнализации на дома, на автомобили. Охраняет магазины местные. Сейчас он пошел по соседям, проверять записи камер наружного наблюдения. Его собственный дом, кстати, первый по четной стороне. Так что почти у него под окнами это и произошло. Но Алексей Алексеевич говорит, что из-за этих туй вряд ли что видно будет – так плотно их тут насажали.

- Другие соседи видели что-нибудь? Опрашивали их?

Францев кивнул. Помолчал и произнес:

- Никто и ничего. Да тут уважаемые люди живут. Сам знаешь.

- Не знаю. Эту улицу уже после меня проложили. При мне здесь лес был. Сосны, полянки. Пьяницы в летнее время приходили бутылочку распить, компашки собирались летом на шашлыки, но за это я гонял, а потому мало кто к озеру ходил.

На дорожке появился плотный человек лет сорока пяти и направился к ним. Это и был Погудин. Подошел, поздоровался за руку с Павлом и поинтересовался:

- Есть ли какие-нибудь версии у следственного комитета?

- Он только что приехал, - объяснил за Павла участковый.

Погудин кивнул, покосился на нарисованный силуэт, вздохнул и тут же произнес:

- Эти, которые на дежурной машине сюда подкатили, никаких практических действий не производили. Сказали, мол, убийство криминальное, а не несчастный случай, не бытовуха, так что все равно следственный комитет этим заниматься будет. А я, уж не взыщите, местность осмотрел и записи видеонаблюдения проверил. Так что докладываю. Ничего на камерах не видно из-за деревьев. Как назло, именно этот участок в мертвой зоне. Еще есть камеры на отделении банка, на ДOME культуры, на здании школы, то есть на всех объектах, мимо которых проходила Сорокина. Мой заместитель в нынешней моей конторе, а он, между прочим, бывший опер, все записи с тех камер просмотрел и доложил, что Карина шла быстро, словно спешила куда-то. Шла она одна. За ней никто не бежал и даже не двигался с равной ей скоростью. Да и вообще мужчин на записи нет. Предполагаю, что убийца подждал свою жертву на тропинке, которая ведет отсюда в лес. Убил и скрылся. На все про все ему потребовалась минута-полторы. Приехал бы кинолог с собакой, то был бы шанс, а так... Теперь-то уже точно бесполезно.

– Если он через лес ушел, то и собака не помогла бы. Убийца обошел поселок, вышел на трассу – до нее отсюда всего километр-полтора, а потом сел в машину или в автобус, и все. Гуляй, Вася, как говорится, – высказал свое мнение участковый Францев.

И покрутил головой, словно высматривая кого-то.

Девушка возле забора все так же стояла.

– Учительницу отпусти, – шепнул Кудеяров участковому.

– Совсем забыл! – встрепенулся тот и посмотрел на Павла: – Не будешь ее опрашивать?

– Куда уж! Десять вечера почти. А она и без того намаялась. Завтра с утра под запись все расскажет.

Францев махнул рукой девушке.

– Ты, это самое, Вика, иди уж!

Молодая учительница отошла от забора, направилась в поселок и, минуя их, кинула быстрый взгляд на Павла, которого в отличие от двоих других мужчин не видела никогда.

– До свидания, – кивнула она.

– До завтра, – откликнулся участковый.

Францев продолжал смотреть ей в спину, а когда девушка отошла уже на значительное расстояние, произнес, очевидно, для Кудеярова:

– Хорошая девчонка. Скромная. Представляю, как она испугалась, когда труп обнаружила.

– А вообще куда она шла?

- Кто? - не понял участковый и переспросил: - Сорокина?

- Да эта самая, как ты говоришь, скромная учительница. Школа в другой стороне, а на этой тихой улочке проживают люди, с которыми она вряд ли приятельствует.

Францев пожал плечами.

- Да как-то и не поинтересовался. - И посмотрел на бывшего начальника районной ВОХР.

- Ладно, - сказал ему Погудин. - Я сейчас сниму своих людей с оцепления и домой пойду, а то мне все это как-то не по душе.

Участковый обернулся к Павлу:

- А ты что, сейчас в город, а утром опять сюда?

Кудеяров кивнул.

- А смысл? - удивился бывший начальник районного отдела ВОХР. - Зачем тебе мотаться, зря бензин жечь? Только чтобы переночевать в своей постели? Оставайся, у меня домик для гостей есть, банька опять же. Посидим, побеседуем. И ты, Коля, тоже с нами. Вдвоем что за беседа - пустой треп, а вот втроем если, то это уже важный разговор.

- Нет, - покачал головой Францев, - товарищ майор у меня переночует. Нам надо происшествие обсудить, и вообще... У меня уже имеются кое-какие соображения по этому поводу.

Погудин развел руками.

- Ну как знаете, мое дело предложить. - Он шагнул в сторону. И остановился. - Мой совет: побеседуйте с Аленой Сорокиной, она близкая подруга убитой, наверняка многое рассказать может. Она, кстати, появлялась здесь. Минут пять ошивалась, поплакала и ушла.

– Я видел, – махнул рукой участковый. – Хотел подойти и спросить. Но потом подумал, что она, если что-то знала, сама бы подскочила...

Павел не собирался оставаться, но предложение переночевать в городке поступило так внезапно, что он не успел отказаться. Хотя в этом был смысл, зачем ехать домой в пустую квартиру, а потом возвращаться, когда можно не только не тратить время и бензин, но и узнать многое, что может помочь расследованию?

Когда участковый сел в машину, Кудеяров вспомнил:

– Фамилия убитой Сорокина, и подруга ее – тоже Сорокина. Случайно?

– Так они почти родственницы: мужа обеих – родные братья. Хотя Карина уже развелась.

Глава вторая

В Ветрогорске Кудеяров был участковым чуть более полугода. Небольшой городок стал первым местом его службы. Да и в полицию Павел попал случайно. Перед самым окончанием университета к Кудеяровым зашел брат Пашкиного отца – полковник полиции, который, сев за накрытый стол, сразу заявил:

– Ну и кем ты теперь будешь, племянничек? Учителем истории? Будешь малолетним идиотам вдалбливать то, что они и знать не хотят. Потом, лет через двадцать, если повезет, назначат тебя директором школы и вообще продыху тебе не дадут: за успеваемостью следи, за ремонтом тоже, денег на ремонт хватать не будет, и ты начнешь с родителей трясти. А если кто из учеников закон нарушит, тебя еще и виноватым назначат. И отчеты еще, бесконечные отчеты... Мое предложение: поступай к нам в полицию. Должность я тебе подыщу, ты постепенно в курс всего вой-дешь. Только учти: ни к себе в отдел не возьму, ни на тепленькое какое местечко не сядешь, а на земле будешь трудиться. Где-нибудь в области, в тихом городке, где преступлений никаких, да и начальство далеко.

Паша посмотрел на родителей, те молчали, очевидно, заранее предупрежденные о таком предложении.

– А с зарплатами как у вас? – осторожно поинтересовалась мама.

– Сейчас все отлично: участковый получает раза в два, а то и в два с половиной раза больше, чем учитель в школе. И опять же уважение народа. А участковые пользуются сейчас особым уважением. Предположим, вышел ты на местный рынок, чтобы за порядком приглядеть, а тебе со всех прилавков – кто баночку грибов, кто огурчиков или колбаски домашней. Братъ, конечно, не стоит, но, с другой стороны, тогда уважать не будут. Ведь они – люди эти – рассчитывают, что ты к ним в любое время, хоть в ночь, хоть за полночь, в стужу и в дождь придешь, ежели у них беда. Придешь и поможешь. А так, если отказываешься, значит, потом имеешь право сказать: рабочий день закончился, господа, по всем вопросам в приемные часы во вторник и в четверг. Понятно?

– Конечно, – согласилась мать. – Я тоже грибы мариную, компоты делаю и соседям раздаю.

– Вот, – согласился полковник Кудеяров. – Так и должно быть. Тем более что участковый... Настоящий участковый – это ближе, чем сосед, потому что соседи – они разные бывают, а участковый – он...

– Участковый всегда на посту, – согласился отец Пашки и посмотрел за окно, где накрапывал дождик.

Похоже было, что его сыну подготовили не только должность, но и место службы.

Павел подумал и согласился.

Ветрогорск оказался поселком городского типа, хотя в официальных документах он уже лет тридцать значился городом. Когда-то это была деревушка возле станции – сотни две бревенчатых и щитовых домиков с участками располагались вдоль полотна железной дороги. На участках росли яблони и вишни, стояли парники и просто грядки с морковью и укропом. За поселком проходила автомобильная трасса, только к ней надо было подняться в гору. На горе возле трассы стоял небольшой магазинчик с бетонными, выкрашенными в синий цвет

стенами. Универсам народ называл «синим» потому, что официального названия у магазинчика не было. Потом, после того как очередной пленум ЦК КПСС принял решение о развитии сельского хозяйства и создании крупных сельскохозяйственных комплексов, за дорогой построили несколько кирпичных двухэтажных домов на четыре квартиры и несколько блочных пятиэтажек. Потом стали строить девятиэтажки. За всем этим строительством наблюдали жители пристанционного поселка. В новых домах появились новые люди, которые общались только между собой, с теми, что жили у станции, они общаться не хотели и называли их почти презрительно – «станичниками», а сам старый поселок – «станцией». Станичники в ответ придумали новому поселению тоже уничижительное наименование – «Сити», а тех, кто обитал в многоэтажках, соответственно обзывали «ситниками».

Станичники по старой памяти ходили в синий магазин, ситники – в новые универсамы со стеклянными стенами. Универсамов было два: один так и назывался «Сити», а второй – «Нью-сити». Были, разумеется, и маленькие магазинчики, и рынок. Даже два рынка: один в станице – маленький и скучный, а второй – роскошный, разумеется, в Сити, рядом с центральной площадью, Домом культуры и прочими достопримечательностями, главной из которых был памятник спортсмену, бросающему диск. Спортсмен стоял на постаменте и почти ничем не отличался от того самого дискобола, созданного греческим скульптором Миронем две с половиной тысячи лет назад. Оба спортсмена были одинаково мускулисты, только на отечественном дискоболе были трусы. Памятник появился после списания на каком-то стадионе, и когда мускулистого дядьку с диском привезли в Ветрогорск, трусы на нем были динамовские, то есть выкрашенные в синий цвет с белой полоской снизу. Но вскоре дожди смыли краску, и дискобол стал выглядеть почти как древний грек. Иногда на постаменте появлялись некоторые надписи провокационного содержания типа: «Зенит – чемпион!», «Шишова дура» и «Машины не ставить». Памятник в народе называли запросто – «Труселя», и возле него назначались свидания или просто встречи.

За памятником дискоболу располагался Дом культуры, над одним из входов в который была надпись из светящихся вечерами лампочек «дискотека».

Танцы являлись важной составляющей местной культурной жизни, но, разумеется, не самой главной. С недавнего времени в Ветрогорске появились рестораны. Самым крупным был «Вертолет» с танцевальной площадкой в центре зала. Заведение шикарное и дорогое: его посещала в основном высшая часть

местного общества. Еще был итальянский ресторан «Мама Рома», владел которым предприниматель Романов, имелся и китайский ресторан «Пекин», хозяином которого был неизвестно как обосновавшийся в Ветрогорске пятидесятилетний кореец Володя Хегай. И это не считая баров и кафешек. Заведения каким-то чудом держались на плаву и не разорялись, хотя большим количеством посетителей похвастаться не могли.

Опорный пункт полиции располагался в одном из двухэтажных четырехквартирных домиков. Одну из квартир на первом этаже передали для нужд органов охраны правопорядка, квартирку над ней выделили для проживания участкового. Участковых было двое: один занимался непосредственно Ветрогонском, а второй мотался по остальной территории части муниципального образования, в которое входили три деревушки: Кошкино, Обочинка и Лапоть. Жители Лаптя долгие годы боролись за переименование своей деревни и даже пару раз пытались перекрыть трассу в знак протеста. Эта акция прошла почти незаметно ввиду немногочисленности исконного населения Лаптя, а также из-за того, что это немногочисленное население постоянно трудилось, не имея времени на митинги и забастовки. Дело в том, что в Лапте гнали самогон. И причем делали это с любовью и со знанием дела. Продукция лапотников отличалась высочайшим качеством и была чрезвычайно востребована не только жителями Сити, но и за пределами города. Что говорить, если даже в «Вертолете» завсегда таи всегда заказывали рюмку-другую граппы из Лаптя. Рецепт виноградной водки деревенские бережно хранили, выведать эту тайну никому не удавалось ни подкупом, ни угрозами, ни физическим воздействием. А лапотники, несмотря на врожденное пренебрежение к протестным акциям, были народом сплоченным и, если требовалось противостоять слишком любопытным, выходили все, включая баб, которые хватили в руки все, что попадало: дубины, колья, топоры, вилы и прочий садовый инвентарь...

Так что в бытовом общении с ними на рынке или в магазине жители Сити или Станицы не рисковали называть их родину Лаптем, а называли деревню просто Самогоновкой, что гордому народу нравилось значительно больше. А потому они, требуя сменить название, предлагали именно это, уже укоренившееся в округе. Но такое название не нравилось высокому областному начальству, которое, очевидно, продукцию лапотников не пробовало. Так что топонимическая комиссия никак не хотела согласиться на переименование.

В первый раз, оказавшись в универсаме «Нью-сити», молодой участковый Паша Кудеяров удивился тому, что очередь была только к одной кассе, хотя работали три. У двух других стояли несколько женщин с грустными мужьями. А в очереди, растянувшейся на десяток метров, переговаривались и скалились мужчины всех возрастов. Дело в том, что за кассой сидела девушка с пышными, рассыпавшимися по плечам волосами. Девушка злилась оттого, что приходилось работать больше остальных. Злилась, огрызалась, отвечая на заигрывания мужиков, но продолжала улыбаться при этом.

Кудеяров, взяв то, что ему было нужно, направился к свободным кассам, но потом почему-то свернул и тоже встал в очередь. Девушка работала быстро, но мужики не спешили.

Когда подошла его очередь, Паша внезапно понял, как глупо он выглядит: давно бы уже к дому шел, а теперь, поддавшись стадному чувству, стоит здесь перед этой девушкой растерянный. Тем более что она понимает, почему он здесь и на что рассчитывает.

Но девушка была красивой.

– Я ваш новый участковый, – представился тогда Пашка.

– А старого куда дели? – спросила кассирша, не глядя на Кудеярова.

– На пенсию отправили, – объяснил он.

– Так не старый вроде, – продолжала щелкать по кнопкам кассы девушка.

– Так Веня теперь прочно в Лапте сидит, – весело подтвердил стоявший рядом человек в плаще, надетом на белую майку. – Нашел там себе кралю.

– Во повезло мужику! – отозвался восторженный голос. – А кого нашел-то?

Павел стал расплачиваться, а заодно положил визитную карточку.

– Здесь мои телефоны: служебный и мобильный. Звоните, если что.

Девушка молча потрянула головой, и русые волосы почти полностью скрыли ее лицо.

А вокруг шло обсуждение.

– Теперь, выходит, наш бывший участковый будет всю Самогоновку крышевать? Так они еще, эти гады, цены взвинтят! Как теперь жить?!

– Не, мужики, лапотники прочно под Ашимовым сидят. Он и заказы им дает, а потом, кто рынок в Сити держит? Ашимов. А с ним ссориться не с руки. Но Вене, конечно, повезло: шикарное бухло на халяву до конца жизни будет.

– Только жизнь короткой окажется, – подала голос кассирша и только после этого посмотрела на Кудеярова.

На груди у девушки был бейджик «Карина Сорокина».

– Красивая была девка! – сказал Францев, заходя в свою квартирку, в которой когда-то жил и Павел. – Пожалуй, сама красивая в Ветрогорске, – добавил он, закрывая дверь. – Неужели не помнишь ее? Не поверю.

– Помню, конечно, просто пять лет прошло с того времени.

– Пять лет не срок, – покачал головой участковый, доставая мобильник и набирая номер. – Хотя ты сейчас в следственном комитете; уже майор. Как там у вас – майор юстиции?

Кудеяров кивнул.

Николай посмотрел на набранный им номер и прижал аппаратик к уху.

– Никогда бы не поверил, что за пять лет может случиться такой взлет...

Ему ответили, и потому Францев сказал в трубку:

– Алена Сорокина? Это ваш участковый. Давай дуй ко мне быстро. Сама знаешь, по какому вопросу. Давай, давай. Это в твоих интересах, а с дочкой ничего твоей не случится. Четырнадцать лет уж девке.... Сама домой придет – не заблудится. Короче, жду. Тут у меня большой начальник из следственного комитета... Ты поняла? Молодец.

Участковый вернул мобильник в карман и посмотрел на Павла, а потом переступил порог комнаты.

– Надо же – майор юстиции за пять лет. А вот я майора получил через пятнадцать лет выслуги. Пятнадцать лет опером в уголовке отмантулил, чтобы заслужить большую звездочку. А теперь снова капитан и, судя по всему, до пенсии участковым здесь проторчу. Если майора снова дадут, что вряд ли, то мне с того никакой радости – разве что тыщонку к пенсии прибавят. Проходи в комнату. И посмотри, как я тут все обустроил.

На самом деле перемен было немного. Только обои другие, другой диван, платяной шкаф, занавески на окнах новые, но такие же бесцветные, как и при Кудеярове.

– Ты в курсе, как я понимаю... – продолжал Францев. – Наверняка известили, как подставили меня. А что делать, когда жена дома всю плешь проела, что сутками не видит меня, что денег нет, а ей хочется жить как все, новые сапоги или платья покупать? Нам тогда платили сам знаешь как. А тут при обыске эта пачка пятитысячных. Сам не знаю, как в карман ее сунул. Потом сказал, что машинально, но все равно не поверили. Ну ладно, что хоть в полиции оставили. Одна радость, что жена сразу на развод подала.

– Один теперь живешь? – поинтересовался Павел.

– Не всегда, – уклончиво ответил участковый и тут же сменил тему: – Как, на твой взгляд, очень изменился Ветрогорск?

– Очень. При мне здесь иномарок почти не было. Разве что у Ашимова, Романова, Дрюяна... И, разумеется, у Васи Кулька со товарищи.

– И не говори. Раньше к рынку подходишь – там в основном «Жигули», а теперь сплошь иномарки. Есть, разумеется, старенькие, но и такие встречаются, я тебе

скажу! Хорошо стал жить народ. Попритерся к новым условиям. Всякие бизнесы пооткрывали, кто на рынке стоит – не запросто так, конечно, кто еще как-то крутится. Ты такого ухаля Шишова помнишь?

– Фамилия знакомая. Был такой ханыжного вида. На него соседи жалобы писали.

– Так он и теперь такой же. Только надыбал где-то «Газель» – развалюху. Ну и развозит: кому мебель из магазина подвезет, кому картошку. Дрова из леса на «Газели» привозит и продает. А в прошлом году посадил жену в кабину, и смотались они в Карелию. В прошлом июне. Грибов здесь еще не было. А он притаранил целый свой фургончик белых грибов. Встали с женой на рынке и как начали продавать все это! Кучка – триста рублей. Народ тучей налетел. Так Шишovy до пятисот цену подняли. И все равно ведрами у них, корзинами все расхватали. За день машина пустая стала. А у Шишовых тонна этих грибов, если не больше, была. А люди наши набрали этих белых, замариновали, по банкам раскатали и сами осенью на тот же рынок вынесли. Одна баночка на полкило – пятьсот рублей. Влет уходило. Грубо говоря, трехсотпроцентная прибыль, не считая затрат на тару и маринад. На Западе разве такое бывает, чтобы за полгода так обернуться? Или возьмем...

В дверь позвонили.

– А теперь будем серьезными. Пришел главный свидетель, – шепнул Францев и тут же крикнул: – Заходите, не заперто!

В комнату заглянула молодая невысокая женщина с округлыми формами и остановилась на пороге. В руках у нее была пляжная плетеная сумка.

– Проходи, Алена, – устало произнес Францев, – садись за стол. Поговорим о делах наших скорбных.

Женщина подошла к столу, достала из сумки банку с маринованными красными перцами, потом вторую с грибами, покосилась на Кудеярова и выставила на стол бутылку.

– Вот, – сказала она, – смородиновая из Лаптя. Надо же Кариночку помянуть.

Слезы выступили на ее глазах, Алена отвернулась. Смахнула слезы ладонью и опустила за стол.

- Пойду хлебушка принесу и тарелки, - сказал Францев, поднимаясь.

Кудеяров почувствовал себя неловко. Он не собирался выпивать. Думал, что просто поужинает, попьет чаю с участковым, ляжет спать...

- Я вас знаю, - сказала Алена, - ведь это вы у нас тут на Колином месте были? А до вас - Веня Круглов.

- Так и есть, - признался Кудеяров.

Вернулся Францев, поставил на стол тарелки, поверх которых положил буханку хлеба.

- Теперь Павел... как тебя, Сергеевич, кажется... Так вот, теперь Пал Сергеич - большой начальник, - деловым тоном произнес участковый. - Теперь он майор юстиции и начальник районного следствия. А потому будь с ним откровенна. Мы с тобой без протокола, без подписи твоей поговорим. Надо же скорее убийцу найти. Ты только на его вопросы честно отвечай, чтобы потом неприятностей не было.

- Спрашивайте. Я расскажу все, что знаю.

- В каких отношениях вы были с убитой? - спросил Кудеяров.

- Я? - удивилась женщина. - А при чем здесь я? Мы с ней подруги, можно сказать. У нас мужья - братья родные. То есть мы даже как сестры были. Но вообще с Кариной дружить трудно. Она обидчивая очень. То есть была обидчивой. Что-то не по ней, и сразу обижается. Не скандалит, не ругается, а просто перестает общаться. В последнее время она опять...

- Когда вы виделись в последний раз?

Алена закрыла глаза, зажмурилась. Очевидно, вспомнила, как увидела в последний раз подругу - вернее, тело убитой подруги.

– Виделись вчера в синем магазине. Поздоровались, но Каринка спешила, сказала, что у нее ко мне разговор и она хочет кое-что мне сообщить по секрету. Мы договорились встретиться сегодня полседьмого в магазине. Она просила ее там встретить, а потом мы куда-нибудь пошли бы, ко мне или к ней.

– Где она работала?

– Ходила по электричкам. Продавала там... Ну вы знаете, что там продают. Мороженое, чипсы, пиво, журнальчики с программками и кроссвордами.

– Что? – не поверил Францев. – Такая девушка – и в электричке? От нее всегда за версту дорогими духами несло! Не верю, чтобы она вот так пала низко...

– Я тоже удивилась, когда узнала. Но Карина сказала, что это временно, на сезон до осени. А по деньгам очень даже неплохо получалось. За первый месяц у нее почти полсотни вышло.

– Вот оно что! – удивился участковый. – Никогда бы не подумал. А кто хозяин у нее?

– Хозяин тот же самый, что почти всем тут заправляет. Ашимов, разумеется. Он и с железной дорогой договорился, и товар давал, который просроченный и под списание. С сумками таскаться по вагонам, конечно, не сахар, но Карина терпела. Она-то вообще девушка с запросами была. Всегда говорила, что добьется чего-то в жизни. А вон как обернулось.

– Враги у нее были?

Алена покачала головой.

– А с мужем бывшим в каких отношениях находилась?

– Ни в каких. Тот давно уже с другой живет. Теперь вроде как официально женился. Только ни брата, ни меня на свадьбу не пригласил. Он в городе постоянно, здесь, в поселке, появляется редко. Что ему здесь делать? Его даже родной сын не интересуется.

– А где сейчас ее сын?

– Карина на лето отправляет его к бабушке. Бедный мальчик. – Алена всхлипнула.

– У Карины был постоянный мужчина? – спросил Кудеяров.

– Не знаю. Она обычно скрывала. Но мне кажется, что не было никого. Иначе зачем ей по поездкам таскаться?

– А временные? Те, с кем она не так давно рассталась.

– Не знаю. Скорее всего, никого у нее не было.

– Такого не бывает! – не выдержал Францев. – Чтобы такая девушка – и одна. Как она оказалась на Боровой улице? Ведь к кому-то она шла.

– А чего гадать? Знаю только, что мы договорились увидеться в синем магазине. Я не смогла прийти, а куда Карина потом собиралась, мне неизвестно.

Францев обернулся к Павлу и принялся перечислять:

– На четной стороне живут Погудины, рядом участок Ашимова, потом Романов и небезызвестный Василь Васильевич Кульков – он же Вася в квадрате. Улица кончается спуском к лесу, внизу – болотце и речка, там люди не ходят. По нечетной стороне первый дом принадлежит Лидии Степановне Друян – вдове бывшего главы администрации. Следующий участок известного адвоката Куравина, потом отец Петр, который в миру – Петр Иванович Федоров, и дом гражданина Уманского, представляющего для меня некоторую загадку. А поскольку тело было обнаружено на дорожке нечетной стороны, то идти она могла или к бывшему директору школы Лидии Степановне, или к известному адвокату, которого здесь никто не видел уже месяца полтора, давно в поселке не появлялся. Потом святой отец, которого заподозрить можно едва ли.

– Почему? – спросил Кудеяров.

– Видел бы ты этого попаика. Ему и тридцати нет, худосочный, бороденка жиденькая, голосок тоненький...

– Разве у вас такой богатый приход? У священника дорогой дом...

– Да это покойный Дрюян Михаил Борисыч устроил. Участок возле леса был выделен епархии для строительства храма. А бывший глава администрации предложил попам обмен. Администрация выделяет им участок меньшей площади непосредственно в городке, а взамен город получает этот. Земля возле леса продается под строительство коттеджей, и вырученные средства вкладываются в строительство храма. Кроме того, на период строительства церкви Михаил Борисович обложил всех местных предпринимателей церковной десятиной. Все добровольно должны были сдать десятую часть месячного дохода на храм. А кто не мог, должен был лично отработать. Сдавали все. Это поспособствовало тому, что люди потянулись туда. Надо же было узнать, куда свои кровные ушли. Не сомневаюсь, что и сам Дрюян на этом поднялся немного. Хотя утверждать не могу. Но он ведь если что и делал для города, то всегда с прибылью для себя.

Участковый перевел взгляд на свидетельницу и махнул рукой:

– Ладно, Алена. Открывай свои баночки. И сама подсаживайся. Сейчас помянем...

Водку разлили по рюмкам, маринованный перец и грибочки разложили по тарелочкам.

– А теперь, Алена, честно признавайся. Твоя родственница и подруга шла к Уманскому? Ведь у них была связь?

– Была, но давно.

– Странно, – удивился Павел. – Я совсем недавно был здесь участковым, но не знаю ни про улицу с туями, ни про храм, ни про отца Петра. Здесь священников не было вовсе. И не знаю ничего про связь неизвестного мне Уманского с молодой женщиной, которая считалась здесь первой красавицей.

– Карина с Леонидом Владимировичем познакомились пару лет назад или чуть больше, а потом расстались, – объяснила Алена.

– В чем причина расставания?

Женщина пожала плечами.

– Карина сказала, что себя перестала уважать, потому что спит с мужчиной, который старше ее матери. Лене, как выяснилось, пятьдесят два года.

– Ему пятьдесят два? – не поверил Францев. – На вид – лет сорок, не больше.

– И Карина так думала, а потом увидела его паспорт. Заглянула, чтобы узнать... Ну вдруг он женат или детей куча... Даже плакала потом.

– То есть она всерьез думала о замужестве?

– Вероятно.

– И вот они расстались. И что этот Уманский? – спросил Кудеяров.

Алена опять пожала плечами и попыталась объяснить:

– Ну он звонил, разумеется, спрашивал, почему она не приходит...

– Не скандалил, не угрожал? Простите, но вы так неуверенно отвечаете, что я не знаю, правду вы говорите или предполагаете. Плечами все время дергаете.

– Это у Алены такая дурацкая манера общаться, – усмехнулся участковый и строго посмотрел на гостью. – Ты это... Давай как-то поувереннее говори. И вспоминай, вспоминай! От твоих показаний во многом будет зависеть раскрытие преступления.

Алена кивнула и продолжила:

– Уманский Карине не угрожал и вроде бы не особенно переживал от того, что они не встречаются больше. Он очень спокойный и выдержанный. За все время только один раз при мне не сдержался. Мы с Кариной у него дома сидели. Каринка выпила и вдруг материться начала, когда о ее муже заговорили. Так Леня сказал тогда, чтобы она закрыла рот, а то станет такой же, как те тетки, которые на рынках торгуют и по электричкам пиво продают.

Алена произнесла это и снова заплакала.

– Хватит меня мучить!

– Ладно, – согласился участковый. – Помянем тогда невинно убиенную рабу божию Ка-рину.

Они выпили, стали закусывать. И вдруг Павлу показалось, что он участвует в каком-то фарсе: Францеву просто захотелось выпить, и он под благовидным предлогом позвал эту женщину, приказал ей принести выпивку и закуску. С Аленой у него наверняка близкие отношения или были в прошлом такие отношения, потому что она называет его запросто по имени. И этот разговор ничего не значит: фарс – он и есть фарс. Так что вряд ли Алена говорит правду.

– Как Карина познакомилась с Уманским? – спросил Кудеяров.

– Не знаю точно. Кажется, Уманский подрался с ее мужем – с Виктором. Витя пришел к нам с фингалом. Не фингал даже, а пол-лица у него распухло, даже глаза не было видно. Аркаша, мой муж, тут же вызвался пойти и накостылять Лене. Но Витя отговорил. Но потом Аркаша все-таки позвал своих приятелей, и они Уманского где-то подловили. Одному из этих приятелей Уманский сломал челюсть, второму тоже досталось, а у Аркашки под обоими глазами синяки были...

– Так твой муж вроде здоровый такой, – удивился Францев. – И почему я про это ничего не знаю?

– Так кто жаловаться пойдет? Три дурака побитых? Кстати, и Уманский от них тоже получил. Карина говорит, что у Лени вся спина синяя была: кто-то из этой троицы ему дубиной по спине заехал.

– Вот тебе и тихий городок! – рассмеялся участковый. – А ведь за все пять лет, что я здесь, ни одного убийства, квартирной кражи, ограбления.

– Значит, поборол ты преступность, Коля, – успокоил его Кудеяров. – У меня за шесть месяцев на участке три квартирные кражи, два убийства...

– Про одно я слышал – бытовуха. Нигде не работающий местный житель после совместного распития спиртных напитков зарезал на собственной кухне соседа, приревновав его к своей жене. Хотел и ее порешить, но та заперлась в комнате и стала орать в окно. На ее счастье, мимо проходил молодой участковый, который успел подняться и задержать преступника. А второе убийство?

Павел не хотел отвечать, ведь Францев наверняка знает, но все равно зачем-то интересуется. Неужели показывает этим, что опрос возможного свидетеля закончен? Да и Алена, очевидно, ничего рассказывать не собирается, посчитав, что ее позвали только ради бутылки водки и банок с маринованными грибами и перцами.

– И я не помню, кого это у нас убили и когда, – сказала она.

– В Ветрогорске никого не убивали, – вздохнув, проговорил Павел. – Но как-то ночью в крайний дом деревни Лапоть проникли двое станичников, которые убили хозяина и вынесли все ценное: деньги, самогонный аппарат, две коробки с готовой продукцией и плазменную панель. По отпечатку протекторов я вычислил марку автомобиля, потом проверил, у кого есть подобные, кто из их владельцев злоупотребляет алкоголем... Пока в деревне проводились оперативно-следственные мероприятия, я задержал обоих.

– Вспомнил! – воскликнул Францев. – Со стрельбой было задержание. Теперь понимаю, почему у тебя такой карьерный взлет... – Он обвел присутствующих задумчивым взглядом и посмотрел на стол: – Ну давайте еще по одной.

Гостья отвернулась в сторону, очевидно, проклиная себя за то, что вообще пришла сюда.

– Поздно уже, – сказал Кудеяров. – Гражданке пора домой. Все, что надо, она уже сообщила. Я провожу, мало ли что.

Францев схватил бутылку.

- Давайте тогда по тридцать капель на ход ноги, и я с вами.

- Я лично провожу. Ты, капитан, лучше пока в компьютере покопайся, посмотри по нашим базам, что там есть насчет этого Уманского.

Когда Кудеяров и свидетельница вышли из дома и отошли на десяток метров, Павел произнес:

- Ваши отношения с Францевым меня не касаются. Я занимаюсь серьезными делами. А потому, если вы хотите, чтобы я нашел убийц вашей подруги, отвечайте честно.

- Да я... - Алена отвернулась, посмотрела на окна, за которыми была квартира участкового, и вздохнула: - Спрашивайте!

- Уманский подрался с братом вашего мужа из-за Карины, это понятно. Кто был инициатором?

- Ну я же не присутствовала. Каринка сказала, что... Ну тут долгая история. Дело в том, что у Виктора давно уже была другая женщина в городе, а Карина здесь осталась с сыном в их двушке. Квартира, между прочем, не ее, а родительская, то есть родителей Виктора и Аркаши моего. А просто после свадьбы Карины и Виктора свекор и свекровь перебрались в Обочинку, где у них свой дом имеется. А когда Аркаша вернулся со службы вместе со мной, то нам уже пришлось снимать. Мы до сих пор в съемной маемся.

- То есть теперь вы имеете полное право перебраться в освободившуюся квартиру?

- Естественно. А кто же еще? Виктор в городе с другой женой, которая сюда ни за что не поедет. Родители Аркаши в своей Обочинке. А мы с мужем и дочкой полное право имеем на это жилье.

- У Карины же сын остался. Его-то куда денете?

– Бабушка, то есть мама Карины, его заберет в Белоруссию. Она туда, на свою родину, перебралась сразу после того, как дочка замуж вышла. Карина с матерью раньше жила. Но та продала их однушку и укатила. Купила там домик, на работу устроилась. Дочке, то есть Карине, оставила какие-то копейки. А когда Витя ушел из дома, то он потребовал с Карины арендную плату за жилье. И она ему раз в месяц платила. А тут как-то свекровь к ней пришла и сказала, что сын попросил ее получить за месяц. Ну Карина и отдала. А на следующий день, когда она домой возвращалась, на улице ее Витя перехватил, потребовал деньги, а она сказала: так, мол, и так, у мамы своей заведи. Он скандалить начал, ударил ее. А мимо как раз Уманский проходил. Увидел, возмутился, что девушек бить нехорошо, и вломил ему. Да так, что Витя потом долго подняться не мог. Карина от страха плакать начала, а Леонид взял ее в охапку и в ресторан «Пекин» затащил, возле которого все это и произошло... С того дня у них все и завертелось.

– Бывший муж знает, что Карину убили?

– Ну да. Я ему первому сегодня по телефону сообщила.

– Как он отреагировал?

– Спокойно. Сказал, что к этому все и шло. Типа того, что сама нарвалась.

– Про квартиру ничего не говорил?

– Я сказала, что мы с Аркашей и дочкой туда переедем. Он вроде спорить не стал. Потом я маме Карины тоже позвонила, и та пообещала приехать на похороны, забрать документы внука из школы и вещи Карины.

– Тоже спокойной была?

– Относительно. Не плакала, не рыдала. У них сложные отношения были.

– После инцидента с Уманским Виктор не пытался как-то отомстить Карине?

– Нет. Это мой дурачок Аркашка попробовал, ну наказать обидчика брата... Но потом Уманского зауважал и при встрече всегда с ним здоровается. А тот с ним

здоровается. Как-то без обид у них вышло.

– Почему вы мужа все время дурачком называете?

– Так он дурачок и есть. Большой, здоровый. В спецназе служил, в Дагестане воевал. А как ребенок. Мы с ним в Ростове познакомились, я в госпитале медсестрой была, а его раненого привезли. Аркашу здесь все местные всегда зовут, если надо с кем-то подраться. А про Уманского он сказал, что у того спецподготовка, потому что они втроем на него набросились, бьют, а толком попасть не могут. У него каждый выпад как удар кувалдой. Или он боксер хороший. А Каринка еще рассказывала, что Леня танцует замечательно. Сосед Уманского, который адвокат, пригласил его на свой день рождения. В «Вертолете» они отмечали. Гости все были солидные – местные, да из города приехали. Из наших только самые-самые: Ашимов, Романов, Кульков. Бывший глава города Друян, конечно же, – он еще жив был тогда. Уманский взял с собой Карину. Там все танцевали. И когда заиграли танго, Карина обрадовалась, потому что она занималась латиноамериканскими танцами, европейскими тоже; даже в соревнованиях принимала участие. Потащила она Леню в центр зала, чтобы всех удивить. А мне потом рассказывала, что зал стоя аплодировал, но не ей, а Уманскому, который оказался круче всех профессионалов, которых она в своей жизни видела.

– Какой мужчина! – восхитился Павел. – И дерется хорошо, и танцует. Богатый к тому же. Что же она от него ушла? Жадный, вероятно? Не поверю никогда, что она его оставила из-за возраста.

– Леонид Владимирович совсем не жадный. Он Карине подарки делал: украшения всякие, вещи дорогие покупал – у нее только зимних сапог три пары. И так деньги давал. Она смеялась, говорила, что он просто спонсор. Хотя, мне кажется, она его любила. Может быть, боялась в этом признаться не только мне, но даже себе самой.

Они остановились у подъезда блочной пятиэтажки.

– Ну вот я и дома, – сказала Алена. – Надеюсь, что скоро уже переедем отсюда. Слава богу... Ой, я, кажется, что-то не то ляпнула! Спасибо, что проводили.

Она направилась к двери и уже взялась за ручку.

– Секундочку, – остановил ее Кудеяров. – А в каких отношениях была Карина с Викой Гореловой?

– С кем? – удивилась Алена. – С училкой, что ли? Да они и знакомы-то, как мне кажется, не были. На улицах встречались, может быть. Я-то Горелову знаю, потому что она дочке музыку в школе преподает. Хотя... Однажды мы с Мариной встретили ее на рынке. Так Карина прямо вцепилась мне в руку. Так крепко сжала и сказала, что она эту тварь на мелкие кусочки готова порвать.

– Почему?

– Откуда я знаю? Может, потому, что Вика эта симпатичная и молодая. Вы ее видели? – Алена вдруг шагнула к Кудеярову и перешла на шепот: – А чтоб вы не намекали на мои отношения с Францевым... Меня с участковым ничего не связывает. Если что-то он вам там рассказал, то это неправда. Один раз всего, да и то по пьянке. Я мужа люблю.

– Никто и не сомневается.

Глава третья

Францев сидел перед компьютером. Рядом стояла на треть опустошенная бутылка водки.

– О! – обрадовался участковый, увидев входящего Кудеярова. – Удалось кое-что нарыть на этого Уманского. Ему и в самом деле пятьдесят два. Учредитель фирмы, которая выпускает бахилы, дождевики, одноразовые скатерти, посуду из пластика и прочую ерунду. Так что непонятно, откуда у него деньги.

– Я бы не спешил с выводами. Как раз на мелочовке зарабатываются хорошие капиталы, если, конечно, сбыт налажен. А Уманский, как мне кажется, умеет договариваться с людьми. Что еще на него есть?

– Родился в Ленинграде. Университет окончил в Ростове. Жил в Таганроге. Трудился там же на хлебозаводе технологом. Был женат, детей нет. Пятнадцать лет назад развелся и уволился. После чего, судя по тому, что не платил налоги и не было отчислений в Пенсионный фонд, нигде не работал, чем занимался – неизвестно. Не судим, не привлекался, задержаний и приводов не имеет. Пять лет назад восстановил документы, которые якобы потерял: паспорт, права водительские, карточку соцстраха и прочее. Тогда же открыл свою фирму. А тебе у Алёны удалось что-то узнать дополнительно?

– Да я только проводил ее, и все.

– Мог бы не париться на этот счет. Сама бы дошла – ничего бы с ней не случилось. У нас уличной преступности нет. Все друг друга знают. Наркоманы тоже перевелись...

Он поднялся из-за столика, возле которого сидел, прихватил бутылку.

– Ну что, продолжим наше расследование?

Я, правда, без тебя рюмочку хватанул уже. Ну ты ж не в обиде.

– Я, пожалуй, не буду больше. Завтра с утра начну работать по этому делу, вызову людей. Кстати, при убитой Сорокиной не было мобильного. Деньги, украшения, часики – все при ней, а телефона нет.

– Может, дома забыла. Завтра вскроем квартиру, если получишь разрешение, и проверим. Только это нам ничего не даст. Нет пока подозреваемых. Даже заинтересованных в смерти Карины нет.

– А квартира, которая отойдет мужу или брату мужа? Двушка здесь немаленьких денег стоит.

– Вряд ли родственники пойдут на убийство из-за квартиры. К тому же зачем им убивать ее на улице, где могут быть случайные свидетели? Может, это и в самом деле Уманский. Ты не предполагаешь, что Карина что-то узнала про него и шантажировать пыталась? Она же была девушка, тертая жизнью. Не случайно же муж от нее ушел. Кроме того, постоянно нигде не работала: то у нее свой

магазинчик на рынке, где шмотье импортное продается, то кассиршей в универсаме, то буфетчицей в «Маме Роме»... А то вообще неизвестно чем занималась. А ведь одевалась так, что не всякая может себе позволить. Шубка норковая, сапоги итальянские. Телефон за двадцать тысяч... Про ее любовные связи тут многое болтали. По большей части врал, разумеется. Но кое-что вполне может быть. С Ашимовым у нее, говорят, что-то было, но это давно... Потом, пару лет назад, с Васей Кульком на «БМВ» рассекала. Намекают про Романова, будто бы и он к ее телу доступ имел, не запросто же так он ее за барную стойку в свой ресторан взял. Еще кто-то за ней ухлестывал. И жена Кулькова могла ее ревновать – она Каринина одноклассница, как и дочь Друяна – бывшего здешнего мэра. У них в школе конкурс красоты был. Никто не сомневался, что Карина победит, а корону надели на Друян. Теперь Друян за границей живет. Замуж вышла за немца. А тогда в школе между ней и Кариной были терки. После того конкурса красоты дискотеку устроили. Так девичьи сцепились, а у той красотки-соперницы мама, если ты помнишь, директор школы и папа первый парень на деревне. Насилу их тогда растащили. Директорской дочке Карина тогда, по словам очевидцев, хороший фонарь под глазом повесила. Но санкций не было...

Участковый посмотрел на бутылку, вздохнул и убрал ее под стол – с глаз подальше. После чего продолжил:

– Кстати, на том самом празднике Карина со своим мужем и познакомилась. Виктор тогда в мореходке учился и прибыл в родной город при полном параде в морской форме. Пришел на танцы в родную школу. И увел будущую жену сразу после потасовки. Увел, судя по всему, к себе домой. А в результате Карина родила через три или четыре месяца после окончания школы. Так что о поступлении в вуз не могло быть и речи. Юля Друян поступила, и другая финалистка конкурса красавиц тоже студенткой стала. Кстати, та, третья, – как раз жена Кулькова. А Кульков хоть и известный ныне местный предприниматель, но до того бандитскими делами занимался и даже срок имел. Но это когда еще было... Вот ты и думай про ее беспорядочные связи: Ашимов, Романов, Кульков да еще Уманский... А ведь все эти замечательные люди живут на той самой тихой улочке, где было найдено тело.

– Сколько у тебя информации! – удивился Кудеяров. – Почему молчал все это время?

– А что она сейчас дает – эта информация? Но сведения верные.

– Поражает другое: как тебе удалось прижать гражданку Алену Сорокину, что она тебе все это выложила?

– Почему именно она? – растерялся Францев. – У меня и другие источники имеются.

Участковый постелил гостю на продавленном диване, а для себя разложил кресло-кровать.

И, судя по храпу, хозяин уснул мгновенно, а Павел долго лежал, размышляя. Он вспоминал Карину, то, как увидел ее впервые за кассой универсама, то, как однажды она сама подошла к нему на улице и пожаловалась на соседей... Вспомнил, как она двигалась красиво, как улыбалась, как светились ее глаза. Трудно поверить в то, что рассказал про нее пугающий сейчас весь мир своим храпом Францев. Не могла она вот так запросто менять мужчин, выбирая из всех, кто ее окружает, самых богатых и влиятельных. Хотя кто знает? Это он ничего не знал про нее, не подозревал даже, боялся подойти к ней, хотя его тянуло... Да и участковым он был вряд ли хорошим: местные называли его просто Паша. Хотя они называли Веней его предшественника, про которого говорили, что он, не мешкая, бил любого, кто пытался спорить с ним. Теперь Колей зовут Францева – а тот очень непростой и, вероятно, скрытный человек. И тоже вряд ли доволен результатами своей службы. Вернее, местом, где приходится дослуживать. Хотя, если бы не то задержание убийц, быть бы Паше до сих пор участковым в Ветрогорске, несмотря на дядю-полковника...

...Когда на свой страх и риск Кудеяров ворвался в гараж, в котором убийцы прятали награбленное, самогонный аппарат и телевизор, один успел схватить двухстволку и выстрелить. Первая пуля сбила с головы фуражку, вторая пробила металлический потолок, потому что Павел успел рукой подкинуть ствол вверх. Сбил с ног стрелявшего и даже ударил его ногой, но на плечах повис его подельник, дыша в затылок участкового мощным перегаром.

Дядя примчался на следующий день, пораженный тем, что узнал о племяннике. И взбешенный от того, что городок оказался не таким уж тихим.

– Идешь на полгода в мой отдел стажироваться, а потом по переводу в следственный комитет, там все в полном восторге от того, как ты раскрыл это дело и сам же задержал преступников. Мне даже по телефону сказали, что у тебя большие способности. Как будто я этого не знаю.

За окном начало светать, запели проснувшиеся соловьи. Кудеяров накрыл голову одеялом, чтобы не слышать их, и почти сразу заснул.

Глава четвертая

Утром Францев приготовил завтрак: картофельное пюре из растворимого порошка, сосиски и крепкий чай со смородиновым листом. Ели молча, под столом стояла странным образом опустевшая ночью бутылка.

Убирая со стола, участковый произнес с печалью в голосе:

– Можно было девушек пригласить. У меня есть на примете симпатичные. Ты, Пал Сергеич, не взыщи, но я в курсе, что с твоей женой произошло. Мы тебе все сочувствовали.

Павел не ответил, и Францев продолжил:

– Ты сколько планируешь проводить доследственную проверку? Все ведь и так ясно, что это криминал, а не бытовуха. Так что все равно этим делом вашему комитету заниматься. Так что оставайся – хочешь, я тебе свою квартирку уступлю, а хочешь, подыщу тебе получше со всеми удобствами с кроватью двухспальной.

Павел опять промолчал, и участковый решил не приставать больше.

К восьми часам прибыл микроавтобус с криминалистами. С собой они привезли и кинолога с собакой, нужды в которой, скорее всего, уже не было. Все отправились на место преступления. По пути отставший Францев постоянно кому-то звонил, а потом, поравнявшись с Кудеяровым, сообщил, что вызвал свидетельницу Вику Горелову, чтобы она еще раз повторила свои показания.

Миновали площадь с памятником дискоболу-динамовцу, Дом культуры, отделение банка, церковь, школу и стадион с футбольным полем.

Как ни странно, служебная собака, оказавшись на месте и понюхав сумочку убитой, взяла след. Она потянула за собой кинолога вдоль забора участка бывшего мэра по тропинке в сторону леса.

– Что я и говорил! – обрадовался участковый. – Убийца пришел оттуда, туда же и ушел.

– Но собака взяла след не убийцы, а Карины, – ответил Кудеяров. – А ведь она пришла по улице, а не через лес.

Впрочем, очень скоро собака след потеряла, стала крутиться на одном месте. А потом гавкнула и села. Кинолог подошел, наклонился и что-то достал из травы.

– Здесь телефон! – крикнул он.

Аппарат «Нокия» принадлежал убитой, он был вскрыт, сим-карта отсутствовала. Телефон осторожно положили в полиэтиленовый пакетик, чтобы потом снять с него отпечатки.

– Странно, – удивился Францев, – вещь дорогая. И зачем кому-то потребовалось симку забирать? Если для того, чтобы скрыть список звонков, так мы и так их узнаем.

– Убийце нужна была записная книжка. Список контактов Карины, – ответил Павел. – У меня был такой случай, только там инсценировали разбойное нападение. Без летального исхода. Дали главбуху фирмы по голове, решив, что банковские реквизиты у того в телефоне. Впрочем, тогда так оно и было.

– Так у Каринки какие счета? – не понял участковый. – И вообще, стоило ли за эту информацию удавку на шею набрасывать?

Вскоре показался Погудин, который поздоровался с Павлом как со старым приятелем и сообщил, что накануне он долго просматривал записи с уличных камер, чтобы найти какое-нибудь подозрительное лицо. Но ничего такого, за что

можно было бы зацепиться, не обнаружил.

– Удивительно, но почему, кроме вас, всех остальных жителей домов на этой улочке не интересует то, что произошло здесь вчера? – сказал Кудеяров.

– Лидия Степановна выходила, но, узнав, что случилось, тут же ушла. Отец Петр подходил и прочитал молитву. Жена его тоже. Адвоката сейчас здесь нет, как вы знаете. Ашимов и остальные – нелюбопытные, но им наверняка уже рассказали.

– Уманский здесь? – поинтересовался Павел.

Погудин пожал плечами:

– Здесь, конечно. Он вчера подходил, постоял, покурил даже. Если вы про него думаете, то зря. Нормальный мужик. А вон, кстати, адвокат едет...

Бывший начальник районного ВОХРа указал на подъехавший «Мерседес». Опустилось стекло, и сидящий за рулем седой человек спросил:

– Господа полицейские, объясните мне, что здесь произошло?

– Девушку вчера убили на этом самом месте.

– Кого конкретно?

– А вы что, всех девушек нашего города знаете лично? – усмехнулся Францев.

– Карину Сорокину, – ответил адвокату Погудин, – если помните такую.

И мотнул головой в сторону дома Уманского.

– Как же, помню! – встрепенулся Куравин. – Миленькая такая. Заводная, я вам скажу, была. Подозреваемые уже есть? Кто-нибудь задержан?

Он открыл дверь и хотел выйти из автомобиля, но Францев остановил его:

- Проезжайте к себе, пока в вашей помощи никто не нуждается.

- Хорошо, если так. - Он посмотрел на Погудина и сказал: - Алексей, я сюда с ночевкой. Так что, если будет желание, заглядывайте ко мне вечерочком. Я привез бутылочку чудного виски. Четверть века выдержки. И так, я вам скажу, душу прочищает...

Погудин кивнул, «Мерседес» отъехал.

Только сейчас Кудеяров заметил стоявшую поодаль Вику Горелову. Скорее всего, она появилась здесь только что, но подходить ближе не рискнула. И он сам направился к девушке. Поздоровался и поинтересовался, успела ли она позавтракать. Свидетельница покачала головой.

- Тогда, может быть, зайдём куда-нибудь, выпьем по чашечке кофе. Вы кофе пьете?

Она кивнула.

- Какое место у вас попримечнее?

- В приличных местах кофе дорогой, а я знаю вполне уютное местечко: там неплохая кофемашина и чашечки не самые маленькие.

Девушка улыбнулась, но глядя не Павлу в глаза, а словно куда-то в сторону.

«Скромная какая», - пронеслось у него в голове.

А вслух Кудеяров произнес:

- Ну что же, пойдём, покажите мне ваше уютное местечко.

И растерялся, потому что это прозвучало двусмысленно. Но Вика, судя по всему, не заметила двусмысленности. И кивнула:

- Пойдемте.

Они шли, а Францев заинтересованно смотрел им вслед.

- Вы вчера не уточнили, как вы оказались на этом месте, - начал разговор Кудеяров, как только они отошли на несколько шагов.

- Разве? - удивилась Горелова. - Я шла к Лидии Степановне Друян - бывшему директору школы. Дело в том, что у нее по-прежнему хорошие связи, а с будущего учебного года в школе освобождается ставка социального педагога. То есть ставка уже сейчас свободна. И я хотела попросить Лидию Степановну посодействовать, потому что я и так много занимаюсь внеклассной работой.

- А что вы преподаете?

- Музыку. Ставка маленькая, разумеется. На жизнь не хватило бы. Но я иногда подменяю заболевших преподавателей по разным предметам. Мне добавляют часы к ставке, но все равно... А еще я руковожу местным хором. Сначала по протекции Лидии Степановны пошла туда аккомпаниатором, а теперь - руководитель. Но там тоже зарплата маленькая. Хотя если и там, и там считать, то мне вполне хватает. Вот только времени ни на что другое не остается.

- С убитой Сорокиной были знакомы?

Вика задумалась, а потом покачала головой:

- Только визуально. Ее сын Артем Сорокин мои уроки пропускал, но учитель физкультуры посоветовал мне не вызывать родителей и не ставить ему прогулы, потому что мальчик очень способный легкоатлет. И вообще Артем - очень замкнутый ребенок. Вероятно, то, что родители в разводе, на нем сказалось...

- Несчастный мальчик, - согласился Павел. - А вы с кем-то, кроме бывшего директора, из живущих на этой улице знакомы лично?

Вика вновь задумалась. Остановилась даже, но покачала головой и проговорила:

- А вот мы и пришли.

Она показала на крылечко перед дверью, над которой красовалась вывеска: «Кафе Романсеро».

– Хорошее название, – сказала Вика. – Только, к сожалению, тут совсем другая музыка звучит. Испанских романсов мы не услышим.

– Я думаю, что просто заведение принадлежит некоему Романову, отсюда и название. Вроде местного ресторана «Мама Рома».

– Ой, а я и не подумала даже. На рынке тоже есть кафе, которое называется «Ромовая баба». Там хорошие пышки делают.

Они вошли внутрь кафе и направились к стойке.

– Выбирайте столик, – крикнула им буфетчица. – Официант к вам подойдет.

Буфетчица насухо протирала принесенные ей бокалы и стаканы и при это задумчиво смотрела на экран телевизора, где шла передача о пользе правильного питания.

Зал был пуст. Вика выбрала столик у окна.

– На чем мы остановились? – спросил Кудеяров.

– На романсеро, – прошептала девушка и смутилась.

Павел решил не напоминать о деле. Вика нравилась ему все больше и больше.

Подошла официантка, наверняка знакомая Гореловой, потому что подошедшая девушка вежливо поздоровалась с посетителем, а Вике кивнула:

– Привет!

– Мне капучино, – попросила Вика.

– А мне эспрессо, – заказал Кудеяров.

- А еще что? Есть пироги, пирожные.

Вика промолчала, но посмотрела на Павла.

- Есть очень свежие фисташковые пирожные, - предложила официантка.

Вика покачала головой, и Павел озвучил:

- Ничего больше.

Официантка отошла, а молодая учительница зажмурилась и прошептала:

- На самом деле так хочется.

- Девушка! - крикнул Павел официантке. - Два фисташковых, а потом еще четыре в пакетике с собой.

- Ужас какой! - испугалась Вика. - Четыре пирожных - это же смертельная доза сладкого.

- Ничего страшного. Мой прадедушка по материнской линии во времена нэпа учился в Ленинграде в морском военном училище. По его воспоминаниям, в одном кафе висело объявление, что каждый, кто съест двадцать пять пирожных, получит еще двадцать пять бесплатно и за съеденные может не платить. Мой предок решил накормить весь курс. Долго готовился. Пришел, но его хватило только на двенадцать....

- Какая прелесть! А мой прапрадедушка был историком. Должен был стать автором школьного учебника. Уже все написал и обратился в Академию наук, что пора вернуться к ломоносовскому пониманию истории, то есть отказаться от норманнской теории. Академики заклеямили его позором, лишили звания профессора. Его учебник вышел под редакцией другого человека. А дедушка поехал в холодные края...

- Печально, - вздохнул Кудеяров.

– Еще бы, – согласилась Вика. – Дедушка так и не вернулся из Сибири. Квартиру у нашей семьи отобрали. Книги и рукописи, которые он собирал долгие годы, отправили в Библиотеку имени Ленина, а все остальное – это уже небольшие неприятности.

– Вы одна живете?

Вика кивнула.

– С тех пор, как окончила школу. Поступила в педагогический институт, жила в общежитии. А мама оставалась здесь. Она вышла замуж и стеснялась того, что муж моложе ее на десять лет. А он сидел дома, не желал работать, то есть работал от случая к случаю... И потом еще...

Она замолчала.

– Я понимаю, – шепнул Паша. – Она боялась, что молодой муж обратит внимание на ее симпатичную дочь.

– Это действительно ужасно, но именно так она и думала. – Вика покраснела. – А он даже ко мне в общагу приезжал, пытался пригласить в ресторан или куда-нибудь еще... Даже рассказывать не хочется. Я из общежития съехала, чтобы он меня не нашел. Но потом он маму бросил, и она встретила достойного человека пенсионного возраста, небедного и верного. Они живут в Крыму, где у ее мужа и домик, и яхта.

– Хеппи-энд, – подытожил Кудеяров.

– И теперь у меня своя однокомнатная квартира и любимая работа....

– Но ведь этого...

Павел не успел договорить, потому что принесли кофе и пирожные.

Павел проводил Вику Горелову до ее дома, донес пакетик с пирожными, простился, потом, возвращаясь в опорный пункт, какое-то время думал о

девушке. Вспоминал, как она застенчиво опускает глаза, как появляется румянец на ее щеках под его взглядом... И вдруг понял, что Вика на самом деле очень ловко перевела разговор, увернулась от ответа, когда он спрашивал о том, с кем из обитателей тихой улочки она знакома. Мысль эта сверлила мозг, и отделаться от нее никак не получалось.

«Она – скромна, застенчива, открыта и не умеет ничего скрывать», – убеждал себя Павел, удивляясь тому, что вспоминает об этом снова и снова, словно пытается заставить себя полюбить незнакомую ему еще сутки назад девушку.

В опорном пункте Францев беседовал с женщиной в светлом льняном костюме. Когда вошел Кудеяров, показал на посетителя и произнес:

– А вот как раз тот самый Леонид Владимирович Уманский. Сам пришел, поговорить с нами.

– Оставь нас одних, – попросил Павел.

Францев вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь, потом слышно было, как щелк-нул замок входной двери. За окном промелькнула фуражка участкового.

– У вас есть что сообщить по факту убийства?

– По факту ничего сообщить не могу, – ответил Уманский, – но бывает так, что разрозненные и не связанные между собой события и факты помогают создать достаточно ясную картину. Дело в том, что врагов у несчастной Карины было больше, чем она сама могла представить. Я не говорю про завистливых женщин, которые считали, что она... Которые считали, что ей все достается слишком легко всем известным способом, которым сами они не могут добиться никаких благ... Я говорю о мужчинах – о тех, у кого есть убеждение, что даже за небольшое противодействие их воле надо жестко наказывать... Жестко или жестоко...

Он говорил, Кудеяров его внимательно разглядывал. Действительно, этому человеку не только на первый взгляд нельзя было дать больше сорока лет: темно-русые волосы, седины не заметно, не худ и не толст – крепкий мужчина среднего или слегка выше среднего роста. Грамотно излагает, уверен в себе.

- В этом городе лишь несколько человек могут позволить себе жестоко наказывать несчастных и слабых, зная, что в ответ ничего не прилетит, - произнес Уманский...

- Эти люди живут с вами на одной улице.

- Не только, есть и другие. Но те менее одиозные. Еще до моего знакомства с Кариной, вернее, перед самым нашим знакомством, у нее были проблемы с Кульком. Простите, с Василием Васильевичем Кульковым. Тот обвинил ее в краже волыны. Пистолета то есть. Незарегистрированное оружие пропало из его автомобиля. А в тот день, кроме Карины, в его «БМВ» никто не садился. Пистолета она не брала - мне она врать бы не стала, но предьява была, а потому надо было отвечать. Защитить ее было некому: вы, Павел Сергеевич, уже перевелись отсюда, а Коля Францев вряд ли бы стал бодаться с Кульком.

- Вы используете некоторые специфические слова... С криминалом сталкивались?

- Сталкивался, разумеется, как и многие, кто пережил девяностые. Но терок у меня с ними не было. Я никому не мешал, да и мне в тот мир глубоко влезать не хотелось. Но я продолжу. И тогда Карина обратилась за помощью к Ашимову. Тот разрулил ситуацию.

- Что-то попросил за услугу?

- Разумеется. Но не сексуальные услуги. Просто она поучаствовала в какой-то финансовой афере. Подробности она мне не рассказала, но там была сложная схема по отъятию средств у какого-то лоха.

- Может, ее убили именно за это?

- Наверняка нет. Да и лет прошло с того времени... Кроме того, претензий от пострадавшего, насколько мне известно, не поступало.

- Что-то еще за ней числится?

– По большому счету, ничего, за что так жестоко наказывают. Она не воровка, не аферистка, в пьяном состоянии ни на кого не бросалась с оскорблениями.

– Но кто из ваших соседей мог иметь на нее зуб, помимо Кулькова или Ашимова?

– Романов обвинял ее в каком-то мелком хищении. Не думаю, что она могла украсть из подсобки его ресторана или из кассы столько средств, чтобы он так взъелся.

– А он взъелся?

– Вроде того. Но это было такое мультипликационное кино, что можно было бы посмеяться, однако Карина и в тот раз очень испугалась. Но я этот вопрос решил. Поговорил с Дмитрием Даниловичем, и вопрос закрыли.

– Вот так запросто?

– Да. Предложил выплатить весь долг за несчастную девушку, но поставил условие, что если это разводка, то тогда он мне будет должен столько, что по гроб жизни не рассчитается. Дима посмеялся и сказал, что не хочет со мной ссориться, а потому прощает Карине должок. Происходило это в моем доме, я позвал Карину, и Романов сказал, что она ничего ему не должна.

– У вас всегда так легко получается убеждать людей?

– Некоторым людям не хотелось бы, чтобы окружающие знали, что они готовы на вранье ради копеечной прибыли.

– Согласен. Редко, но такое случается. Но теперь Погудин. У нее и с ним были... простите за вашу терминологию, терки?

– С ним ничего, но с женой его был конфликт. У жены Погудина с Кариной был совместный бизнес – магазинчик в помещении рынка. Карина была старшим партнером, а Марина, которая тогда еще не была Погудиной, младшим. Муж Карины, теперь уже бывший, работал механиком на сухогрузе. На лесовозе, если быть точным. Возил кругляк в Швецию. Брал с собой туда и контрабандную водку, не в огромных количествах, но и не две или три коробки. А оттуда тащил

мешки с залежалым ширпотребом. Вот они здесь и сбывали все это через свой магазинчик. Как водится, партнерши переругались по поводу распределения прибыли. Марина тайно встретилась с Виктором и наврала ему с три короба про подругу: про то, что та ни одного мужика просто так мимо не пропускает, тратит на мужиков и на кабаки вырученные за товар деньги... Виктор избил жену, доверил Марине распродать все побыстрее и укатил навсегда, забыв и про ребенка. Потом Марина, оставшись на магазине одна, сообщила ему, что есть долг по аренде магазина, что прорвало трубу и товар погиб... Виктор приехал разбираться, а бывшая компаньонка Карины выставила против него ментов – подчиненных Погудина. На разборку притащили и Карину. И она сказала, что пусть подруга сама разбирается со своими любовниками. Погудин с Мариной тогда расстался, но как потом выяснилось, не навсегда. Однако Марина пообещала на той встрече, что Карине не жить... При случайных встречах на улицах или в магазине обе делали вид, будто незнакомы. Однажды сосед Куравин пригласил нас на свой юбилей. Погудины тоже были приглашены, но Марина вскоре в гневе ушла... Одна, без мужа.

– Это когда вы поразили изысканное общество исполнением танго?

– Все-то вам известно, гражданин следователь.

– Работа такая. Значит, по соседям на одной стороне улицы мы прошлись. Пока нет ничего такого, за что можно убивать. А теперь пересекаем улочку, проходим сквозь туи и подходим к калитке дома номер один. Друзья Михаил Борисович. Я ведь его помню хорошо. Очень непростой человек.

– Более чем. Был, пожалуй, самым опасным преступником городка. Верил в свою безнаказанность. Сами подумайте, как в разоренном послеперестроечном нищем городке мэр сделал себе состояние в несколько миллионов долларов? При этом оставаясь уважаемым руководителем. К тому же жена много лет директорствовала в местной школе, говорила правильные слова в напутствие выпускникам. Карину она ненавидела люто.

– За что?

– За то, что ее немолодой и уважаемый всеми муж воспылил страстью к девчонке. Пригласил как-то школьницу из выпускного класса – одноклассницу собственной дочери, между прочим, – покататься. Завез в загородный домик

своего друга-адвоката, напоил и изнасиловал. Обещал устроить ей модельную карьеру, победу в конкурсе красоты – сначала в школьном, потом в городском, всероссийском...

– Это правда – про изнасилование?

– Карина мне не врала. Сказала, что муж не был первым, только Виктор по собственной неопытности не понял этого. А потом, когда уже родился ребенок, стал догадываться. Потому унижал, бил, сам изменял направо и налево... Как всякий человек, бьющий женщину, Виктор трус невероятный.

– То есть отец Артема Сорокина – Михаил Борисович Друян? И Лидия Степановна об этом знала?

– Сначала не могла подумать даже, потом начала догадываться, а потом уж Михаил Борисович ей об этом сам заявил. Сказал, что надо бы сохранить фамилию, продолжить род, а у него как раз сынок подрастает. Перепишет на него все свое имущество. А дочка Юля пускай со своего фашиста получает. Дочь вышла замуж за немца против его воли, и, насколько мне известно, с того времени он знать ее не хотел.

– Но раз он так решил, то он как-то помогал Карине?

– Насколько мне известно, нет. Долгие годы он не замечал ее вовсе. А потом пришел и сообщил о своем решении. Попросил подумать над тем, чтобы она дала согласие на изменение отцовства. С Виктором обещал сам поговорить, а тот не отказался бы в любом случае, чтобы не выплачивать алименты, которые он и так не платил. Друян собирался сделать ДНК-тест. Уходя, оставил пачку стодолларовых банкнот.

– И что Карина?

– Она готова была согласиться. Пришла ко мне советоваться. Я сказал, раз тест покажет, что настоящий отец Друян, то не стоит возражать, потому что Виктор – не отец и не мужик, ему сын и не нужен. И сразу после этого разговора, через день, кажется, Михаил Борисович умер в своем доме во время осложненного гипертонического криза – принял не те таблетки. То есть не для снижения артериального давления, а наоборот, для повышения.

– Так, возможно...

– Лидии Степановны в тот момент дома не было. Она вернулась из гостей и обнаружила мертвого мужа. И потом, кто может подумать такое про заслуженного учителя Российской Федерации, которая с мужем прожила без малого почти четыре десятка лет.

– И что дальше?

– Десять тысяч долларов Карина истратила сразу. Выкупила у свекра и свекрови принадлежащую им квартиру, в которой проживала вместе с сыном.

– Хватило?

– Нет, конечно. Я добавил немного. Правда, свекор со свекровью торговались так, словно продают апартаменты с видом на Лигурийское море.

– Я спросил, что дальше, имея в виду Лидию Степановну.

– Конечно, она убивалась. Рыдала над гробом. А потом стала вести затворнический образ жизни. Куравин тут заявил недавно, что вдова просила его помочь продать этот дом, так как она собирается перебраться в Германию к дочери.

– Кстати, о Куравине. Не тот ли это адвокат, в загородный домик которого Друян привез красавицу школьницу?

– Тот самый. Тогда в том доме его не было, но, как мне кажется, Михаил Борисович ничего не скрывал от друга. Так что адвокат здоровался с Мариной всегда со всепонимающей улыбкой на устах. Но в момент убийства Сорокиной, как вам известно, Куравин отсутствовал. Да и зачем ему убивать девушку?

– Следующий дом принадлежит отцу Петру. Но вряд ли священнослужитель пойдет на такое злодейство. Нет причин, да и вера не позволяет. Заповеди.

– Я тоже так думаю. Однако... Дело в том, что он больше всех знал про тайны Карины. Она ходила к нему исповедоваться постоянно. По поводу и без повода. Мне она открылась как-то, что отец Петр очень сочувствует ей, плачет вместе с ней, дает советы. Гладит руки, успокаивает, а однажды его затрясло от страсти. Он сам так испугался этого, отскочил в сторону, стал махать руками и орал на нее: «Изыди, сатана!» – и все такое прочее. Это было более полугода назад. После этого она не ходила ни причащаться, ни исповедоваться. Или отец Петр отказывал ей в этом, или сама не хотела его видеть.

– Разве может слуга Божий отказать страждущему?

– Не знаю, но ей он говорил, чтобы она очистилась телесно сначала.

– Какова причина этому, по вашему мнению?

– Страсть, как мне кажется. И страх, что он сам не боится Бога, раз мечтает о грешном. Отец Петр женат, но с женой не живет. Жена его – девственница. Простите за такие подробности, но это видно невооруженным взглядом. Она собиралась стать монашкой, но отец Петр непостижимым образом отговорил и с непонятной для себя целью. Очевидно, сказал ей, что можно служить Богу и в миру, помогать больным и страждущим и оставаться при этом целомудренной. Не знаю точно, это только мое предположение. Как и то, что наш батюшка тоже не познал женщины. Он хороший и чистый паренек, и жена у него прекрасная девушка, но им надо объяснить слова Господа: «Плодитесь и размножайтесь».

– Следующий дом ваш, Леонид Владимирович.

– А позади него только лес, склон «горы ветров», болотце, река. Я часто смотрю на лес из окон второго этажа и каждый раз понимаю, что в лесу этом больше смысла и цели, чем во всем человеческом обществе. То, что я испытывал к Карине, скорее всего, страсть, на которую я прежде не был способен. Но почему-то она вызвала именно страсть и не только у меня. Вы же были знакомы с ней?

– Был, конечно, но не общался.

– Значит, вам повезло. А я с первого раза, как увидел ее... Иду по улице, вижу, идет передо мной очень стройная девушка, с густыми волосами, высокая, гордая... Думаю про себя, а ведь кто-то спит с ней. И вижу, как подходит к ней

парень с золотой цепью на шее, что-то выговаривает, а потом бьет с размаху...

- Я знаю эту историю. Вы защитили честь дамы и повели ее в китайский ресторан Володи Хегая, а потом к себе домой.

- Догадываюсь, кто вас просветил. Алена тоже бывала у меня дома, и достаточно часто.

- Одна?

- Не в этом смысле. Карина иногда приходила вместе с ней. Потом Алена стала приходить ко мне со своим любовником и оставаться в комнате для гостей. Эта парочка приходила порой, даже когда Карины у меня не было. Просто им негде было встречаться.

- Кто с ней приходил?

- Не моя тайна. Хотя вам и так скоро кто-нибудь расскажет. Так что дождитесь.

- Алена говорила, что Карина была в вас влюблена.

- Думаю, что так и есть, то есть так было. Причем она боялась этой любви, то есть боялась, что я обману ее и брошу... Я даже однажды предложил ей пожениться, но потом, правда, испугался, подумав, вдруг она согласится.

- Чего испугались?

- Не знаю. Скорее всего, понял, что не люб-лю ее так, как должно, как она этого заслуживает. Что потом буду тяготиться браком.

- Но встречались с ней охотно... Ссор между вами не было?

Уманский покачал головой.

- Серьезных не было. Но в любом случае я виноват перед Кариной, что не смог сделать ее счастливой. И лучшей памятью ей будет, если я позабочусь о ее сыне.

- У него же есть бабушка.

- Есть, но бабушка его не любит, очевидно, зная от дочери, чей это ребенок на самом деле и как был зачат этот мальчик. Она брала его на лето с условием, что Карина заплатит за его проживание, за питание, за доставленные неудобства. Да и у Артема нет теплого чувства к бабушке: ребенок ведь чувствует, как к нему относятся. Мальчик бывал у меня часто, приходил с матерью или просто так. Мне нравилось с ним общаться, мы ездили в магазины, покупали кроссовки, шиповки, всякие спортивные принадлежности. У него определенные спортивные способности. В четырнадцать лет парень на восьмисотке выбегает из двух минут - очень неплохой результат, если учесть, что в Ветрогорске нет квалифицированных тренеров по легкой атлетике. Сам Артем хочет заниматься и даже просил Карину отправить его в спортинтернат. Но она не захотела с ним расставаться. Теперь я помогу ему туда попасть, просто обязан это сделать. Оформлю опеку: с бабушкой договориться будет несложно.

- За деньги?

- А хоть бы и так. Пусть парень занимается тем, что любит, а я уж помогу в остальном.

- Мы отвлеклись, а ведь я спрашивал вас, Леонид Владимирович, ссорились ли вы с Кариной?

- Так я уже ответил. Ссорились. По мелочам. Она могла обидеться за неосторожно сказанное мною слово... Ну и я, разумеется, тоже иногда терял терпение. Однажды жду, жду ее. Не приходит. Полчаса жду, час. Набрал номер. Сбросила. Позвонил еще. На этот раз ответила, что очень занята. А на фоне слышу, как гремит музыка - шансон примитивный. Понял, где она, отправился туда...

- Где она находилась?

- В кафе на рынке. Сидела и пила пиво с армянином, который на Ашимова работает. Подошел к ним и сказал, что она может сидеть здесь и заниматься своими делами хоть всю жизнь, но и меня в ее жизни не будет... Карина обиделась, разумеется.

- И после этого она к вам больше не приходила?

- Да. Я звонил, чтобы извиниться, но...

Уманский замолчал. Кудеяров молчал тоже, не зная, о чем еще говорить, похоже, что единственный... Даже не единственный, а основной подозреваемый уплывает от него. Но взамен он получил сразу несколько других.

- Знать бы, к кому она шла вчера... - произнес вслух Павел.

- Ко мне. Позвонила и предупредила, чтобы я ждал ее, потому что она хочет сообщить мне нечто очень важное.

- То же самое она сказала Алене Сорокиной.

- Не знаю, но у меня с Аленой нет общих дел. Это совпадение просто. Важно другое - что мы с Кариной уже месяца полтора не встречались. То есть виделись случайно, но она всегда разворачивалась и быстро уходила, словно боялась...

- А было почему?

- Я тут же, чтобы не бежать следом, набирал ее номер, видел, как она смотрит на контакт вызывающего и сбрасывает вызов. Когда же она наконец отозвалась однажды, то сказала, что не хочет мешать моему счастью.

- Что это означало?

Уманский пожал плечами:

- Не хочу гадать. Она зачастую делала неверные выводы, особенно когда ей кто-то наговорит всякой ерунды.

- Кто и какой ерунды?

- Не знаю. Но, вероятно, могли сообщить, что ее подруга Алена приходила ко мне одна поздно вечером.

– Это правда?

– Правда, чего ж скрывать? Только она приходила всего раз и с обычной для нее просьбой – просила денег. Только попросила не тысячу или две тысячи рублей, как обычно, а больше. Поскольку сумма, по ее понятиям, была значительной, то она думала, что после совместного распития лаптевской смородиновой я потеряю голову и клюну на ее прелести. Вдобавок она наврала, что у Карины уже давно другой – значительно моложе меня, потому что я в силу возраста, по словам Карины, слаб в постели. Это была явная провокация, по ее мысли, каждый мужчина должен тут же броситься доказывать обратное. Денег я дал и попросил больше не беспокоить меня никогда. А поскольку она оставалась на месте и даже попыталась раздеться, то я позвонил ее мужу и попросил забрать жену. Аркаша примчался очень быстро, поблагодарил меня и увел Алену, которая не очень-то сопротивлялась.

– Не сказала, на что ей нужны деньги?

– Будто бы хочет купить Аркадию «Газель» с тентом, чтобы он зарабатывал грузоперевозками. – Уманский поднялся. – Пойду, пожалуй. Честно говоря, эти воспоминания как-то действуют на меня не благостно. А вы заходите ко мне, если будут вопросы. Или просто так. Можно прямо сегодня. Я – человек умеренно пьющий, но сегодня хочется нарушить свои привычки. Карину хочется помянуть: все же мы с ней столько времени были близкими друг другу людьми.

Уманский ушел, а Кудеяров остался и, глядя в окно, размышлял, что можно вынести из услышанного. Все равно никакой стройной версии не получалось. Не думать же, что пожилая женщина, тем более учительница, подкараулила и задушила Карину только за то, что у той ребенок от ее мужа. Причем ребенок этот – не плод долгой любовной связи, а результат преступления. Можно поверить, что Лидия Степановна отравила мужа. Не отравила даже, а дала не то лекарство. Но доказать это все равно не удастся, а признаваться в убийстве вдова, конечно, не будет.

Вообще после этого разговора вопросов по-явилось еще больше. Уманский пусть и серьезный человек, но говорил чересчур много, и большая часть из рассказанного едва ли поможет делу, хотя и раскрывает сущность некоторых людей. Вскользь прошелся по Погудину, Ашимову и Кулькову. Даже о преступлении Друяна поведал. Хотя того уже нет на свете и подозреваемым он быть никак не может. И вообще, почему все и он сам в том числе, майор юстиции

Кудеяров, решили, что убийца – обязательно кто-то из живущих на этой маленькой улочке? А вдруг посторонний человек подждал девушку, прячась среди густых туй? И то, что момент убийства не попал на камеры видеонаблюдения, – так это просто случайность.

Павел набрал номер Францева, участковый ответил, что уже на подходе. И действительно, вошел в квартиру через пару минут, посмотрел по сторонам и спросил:

– Долго беседовали?

– Почти все время, что ты отсутствовал. На мой взгляд, Уманский – не убийца. Умный, осторожный, уверенный в себе человек. Вряд ли он может убить женщину, с которой его что-то связывало.

– Постель не всех связывает, – усмехнулся Францев.

– Для нормальных мужчин, которые не прыгают из койки в койку, секса нет – есть любовь. А Уманский – нормальный.

– Ну-ну, – усмехнулся участковый. – И это мне говорит майор юстиции, который должен знать, что очень многие уважаемые обществом мужчины готовы убить свою давнюю любовницу лишь потому, что связь с ней может подорвать репутацию. Вчера я думал, что убийца ушел лесом. Но сегодня нашлись свидетели, которые сидели на полянке почти за футбольным полем, откуда видна тропинка и забор Друянов, и они все трое в один голос уверяют, что никого не видели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/ekaterina-ostrovskaya/demony-proshloy-zhizni>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)